

УДК 1(091)

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭТИКА В ФИЛОСОФИИ Н.А. БЕРДЯЕВА

О.А. Ефремова

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются взгляды Н.А. Бердяева на вопросы свободы и необходимости, вопросы свободного выбора, стоящего перед каждой человеческой личностью. Свобода и творчество – два центральных аспекта философской системы Бердяева, два взаимосвязанных пути, в которых человек может реализовать себя как личность и как наследник Бога. Философ рассматривает проблему теодицеи, выводя свободу за границы божественного всемогущества. Свобода для Бердяева – центр, обуславливающий все существующее в мире зло и в то же время позволяющий возникнуть всему новому, творческому, являющийся по сути пробным камнем и испытанием для каждого человека. Именно свободный выбор является критерием, определяющим всего человека.

***Ключевые слова:** свобода, личность, персонализм, теодицея, творчество.*

Человеческая личность, согласно философской системе Бердяева, должна быть свободной, должна совершать все поступки сознательно и независимо ни от каких внешних причин, побуждаемая лишь своим свободным выбором. Лосский называет такую позицию индетерминизмом [6, с. 38]. Но для Бердяева важно не только освобождение от предопределенности, от «мира», но и свободное творчество, создание человеком нового, ранее не бывшего. Бердяев противопоставляет свободу необходимости и видит долг человека в том, чтобы уйти от предопределенности к свободному, не обусловленному никакими внешними факторами выбору.

Свобода в понимании философа предшествует всякому бытию, даже божественному. Свобода – некое первоначало, из которого возникает все новое, и зло, и благо. Это условие для человечности жизни, для творчества, вне которого человек не может открыть в себе человека. Бердяев, как религиозный философ, в центр мироздания ставит Бога, но при этом свобода в его философии имеет статус некоего надмирного феномена, который предшествует Богу.

В.А. Кувакин отмечает, что «Н. Бердяев отделяет свободу от человека, “онтологизирует” ее и противопоставляет ее человеку как высшую и первичную сущность, лежащую в основе мира» [5, с. 108]. Но Бердяев противопоставляет свободу как некое первоначало не только человеку, но и Богу, говоря о «несотворенной свободе». И именно это понятие позволяет ему без противоречий рассуждать о теодицее.

Философа волнует проблема теодицеи, т. е. примирения зла мира (объективации) с существованием Бога, которая для него также связана с проблемой свободы. Бердяев считает, что «трудно примирить существование всемогущего и всеблагого Бога со злом и страданиями мира» [1]. Таким образом, он приходит «к неизбежности допустить существование несотворенной свободы» [там же]. «Несотворенная свобода» находится вне Бога. «Первичная свобода вкоренена в ничто, в меоне. И это совсем не должно означать онтологического дуализма, который есть уже рационализация. Наибольшую критику во мне вызывает традиционное учение о Промысле, которое, в сущности, есть скрытый пантеизм в наименее приемлемой форме... Если Бог-Пантократор присутствует во всяком зле и страдании, в войне и в пытках, в чуме и холере, то в Бога верить нельзя, и восстание против Бога оправдано. Бог действует в порядке свободы, а не в порядке объективированной необходимости» [там же]. Рассуждая о мировом зле, Бердяев полагает, что не все, происходящее в мире, предустановленно свыше.

В данном случае Бердяев отступает от догматического христианства, в котором нет идеи о том, что некий феномен может предшествовать Богу. В ортодоксальном христианстве Бог изначален и Божественный Промысел существует; Бердяев, вводя понятие «несотворенной свободы», от этого отступает. Но иначе философ не может объяснить наличие мирового зла; в его представлении зло бытийственно, оно понимается Бердяевым не как удаление или ослабление блага, а как нечто существующее; исходя из этого, появляется необходимость объяснить непричастность всеблагого и всемогущего Бога к этому злу. Отсюда – свобода, предшествующая Богу, «первичная», которая ограничивает Божественное всемогущество необходимостью подчинения этой свободе. Бердяев в своей философской системе разводит свободу и необходимость как противоположные понятия, но в итоге его рассуждений получается некая «необходимость свободы», которой даже Бог противостоять не может.

«Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу» [там же], – вот центральная мысль писателя. Эта идея несет у Бердяева двойное значение: объясняет наличие зла в мире («несотворенная свобода объясняет... возникновение зла» [там же]) и определяет свободу человека по отношению не только к миру, но и к Богу. Такая концепция свободы с трудом сочетается с пониманием Бога как существа Абсолютного. Так как свобода не создана Богом, Он не обладает властью над свободой. Свобода первична по отношению к добру и злу, она обуславливает возможность как добра, так и зла. Поэтому Бог-Творец всесилен над бытием, но не обладает никакой властью над небытием, над несотворенной свободой. Эта бездна первичной свободы является как источником зла, так и стимулом для возникновения творческой новизны, «небывшего» [там же]. То есть в мире, сотворенном Богом, не

было места злу, но оно появилось в силу того, что человек свободен и что свобода предшествовала самому его возникновению. «Бог захотел свободы, и отсюда произошла трагедия мира. Свобода в начале и свобода в конце» [там же]. Бог в системе Бердяева не властен не только над человеком и его свободным выбором, но и над самой свободой, которая выступает как некое отдельное первоначало.

Бердяев не возлагает ответственность за зло в мире на Бога. Философ полагает, что «“мир” есть зло, он безбожен и не Богом сотворен», [там же] – в данном случае под «миром» он понимал поработощающее начало, мировую необходимость, объективное начало зла. Но в равной мере философ не принимает христианскую схему, укоренявшую зло в самом человеке. Бердяев говорит о теодицее только как о логическом завершении антроподицеи – оправдания человека; он считает, что «антроподицея есть единственный путь к теодицее» [там же], что только через оправдание человека можно прийти к богооправданию. Так получается, что зло бытийственно, но в нем невозможно обвинить ни Бога, ни человека. Такое представление отличается от догматических, согласных которым зло есть удаление от Бога как источника блага, причем удаление, совершенное человеком как свободный выбор.

Философ, таким образом, абсолютизирует свободу, отделяет ее от Бога и от человека, чтобы тем самым онтологизировать зло, погрузить его в добытийственный хаос. Это открывает путь к гармонизации бытия, которая осуществляется с помощью творчества. Но поскольку творчество, по убеждению философа, также проистекает из свободы, то именно противоборство зла и творчества составляет сущность новой религиозной эпохи – эпохи «третьего откровения», ожиданием которой наполнено большинство произведений Бердяева.

Личность для Бердяева – это ноуменальный центр мироздания, обнаруживаемый через выявление бесконечности и всеобъемлемости духа конкретного человека. Даже трансцендентное открывается в духе и через дух личности. Однако присущая ей свобода двойственна: она дана человеку и от Бога как просветленная свобода к добру, истине, красоте, вечности, и от Божественного «ничто», которое заключает в себе возможность зла и отпадение от Бога. Только сам человек решает, какой выбор ему делать.

Проблема творчества в философии Бердяева неотделима от проблемы свободы. Так же, как немислимо спасение без свободы, оно немислимо и без творчества. Но христианская мораль не акцентирует внимание на творческом аспекте жизни человека, предпочитая говорить о смирении и покаянии, не вспоминая о том, что именно через свободу и творчество человек делается богоравным (этот вопрос затронут нами в статье «Проблема благодати и свободы в философских системах Маритена и Бердяева» [4, с. 119–120]). Бердяев в связи с этой проблемой говорит о «двух пониманиях христианства» [2], о невыраженности именно

человеческого начала в жизни Церкви, даже о неприятии этого начала. Философ считает, что сугубая нацеленность Церкви на небесное приводит к резкому и неоправданному разрыву между сакральным и светским: Церковь забывает о том, что Христос был Богочеловеком, и «подавление человеческого начала, недопущение его своеобразного творческого выражения, есть ущербление христианства как религии Богочеловечества» [там же]. Отсюда – дуализм Церкви и мира, неизбежно, особенно в условиях современной культуры, отражающийся на жизни каждого христианина и создающий две жизни, «жизнь первого и второго сорта... По воскресеньям мы ходим в Церковь. Шесть дней в неделю мы отдаем нашему творческому, созидательному труду. И наше творческое отношение к жизни остается неоправданным, неосвященным, не соподчиненным религиозному началу жизни» [там же]. Жизнь человека «в миру» оказывается внерелигиозной, каким бы спасительным и «богоугодным» по сути ни был творческий труд. Творческий аспект человеческой жизни, обязательный для дела спасения и для истинно человеческой жизни, подменяется смирением, которое полагается в основу всего христианства. Философ придерживается другой точки зрения: «Внутренней духовной жизни и внутреннему пути принадлежит абсолютный примат, она первичнее, глубже, изначальнее всего нашего отношения к жизни общества и мира... Упадочное смирение создает систему жизни, в которой жизнь обыденная, обывательская, мещански-бытовая почитается более смиренной, более христианской, более нравственной, чем достижение более высокой духовной жизни, любви, созерцания, познания, творчества, всегда подозреваемых в недостатке смирения и гордости» [там же]. Бердяев считает творчество абсолютным призванием каждого человека, а свободу – необходимым условием не только существования, но и возникновения человека. Человек создан по образу и подобию Божьему, он Самим Богом призван к творчеству, именно в творчестве – призвание человека и единственная возможность реализовать в себе Божий замысел. Свобода и творчество – то, что делает человека подобным Богу, то, что необходимо для жизни на земле и вечного спасения. «Творчество – это цель жизни человека на земле – то, для чего Бог создал его. Если христианство есть религия спасения, то это спасение через творчество, а не только через аскетическое очищение от греха» [3, с. 215]. Здесь Бердяев выступает как бунтарь против этики смирения, проповедуемой христианской церковью. Когда Маритен в своих трудах обозначает ценность человеческого, земного, он обращает внимание на человеческую телесность и с этой стороны признает ценность античной культуры, раскрывшей красоту этой телесности. Но когда о ценности человеческого говорит Бердяев, он говорит о творчестве, которое в его понимании само по себе уже отрывается от имманентной сферы и приближается к трансцендентной. Бердяев отрицает аскетизм как путь к спасению, выдвигая в качестве такого пути творчество. Твор-

чество же в его понимании представляет собой тот же аскетизм, только иначе трактуемый. Потому что предьявляемое Бердяевым к личности требование отказа от всякого жизненного благополучия ради свободы и творчества, ради выхода в надмирные сферы напоминает аскетическую мораль, в которой лишь смиренное осознание человеком собственного ничтожества заменено дерзновенным устремлением к Богу.

Бердяев называет свою этику персоналистической именно в том смысле, что человеческая личность есть основная ценность и что даже критерии добра и зла не абсолютны, а символизируют состояние личности: в ее отрыве от Бога (зло) и в ее единстве с Богом (добро) [7, с. 103].

Список литературы

1. Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.
2. Бердяев Н. Спасение и творчество. Два понимания христианства [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. – Эл. данн. – [Б.м., 2011] – url: <http://www.vehi.net/berdyaev/spasenie.html>. – Загл. с экрана.
3. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках. СПб., 2000.
4. Ефремова О.А. Проблема благодати и свободы в философских системах Ж. Маритена и Н.А. Бердяева // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2010. № 39. С. 115–122.
5. Кувакин В.А. Критика экзистенциализма Бердяева. М., 1976.
6. Лосский Н.О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М., 1992.
7. Сурodeйкина Л.А. Философия русского персонализма и социальные коммуникации // Сборник материалов Всероссийской научной конференции 18 февраля 2011 г. «Современные формы культурной коммуникации: вызов информационного общества». Тверь, 2011. С. 100–103.

PERSONALIST ETHICS IN NIKOLAS BERDYAEV'S PHILOSOPHY

O.A. Efremova

Tver State University (Tver)

The article discusses Nikolas Berdyaev's views of on the issues of freedom and necessity and the question of free choice facing every human person. Freedom and creativity - two central aspects of Berdiaev's philosophical system, two interrelated ways in which man can realize himself as a person and as a successor of God. The philosopher considers the problem of theodicy bringing freedom to the limits of divine omnipotence. Freedom for Berdyaev is the center that may influence all evil existing in the world, and at the same time it allows for a wholly new experience, creativity which is essentially as a cornerstone and the test for each person. Thus, free choice is the criterion that directs the whole person.

Keywords: *freedom, identity, personalism, theodicy, creativity.*

Об авторе:

ЕФРЕМОВА Ольга Александровна – магистр истории, аспирантка кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет», e-mail: Goblinchan@rambler.ru

Efremova Olga Aleksandrovna – M.A. (History), Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University, e-mail: Goblinchan@rambler.ru